

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:
Международные и региональные исследования:
от теории к практике

THEMATIC DOSSIER:
International and Regional Studies: From Theory to Practice

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22

EDN: DHSPMY

Научная статья / Research article

**«Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции
в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции**

А.А. Ирхин , О.А. Москаленко , Н.Э. Демешко

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация

 alex.irhin@mail.ru

Аннотация. Черноморский регион (ЧР) в различных его геополитических конфигурациях является зоной приоритетных интересов турецкой элиты. До Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774 г.) Черное море рассматривалось как «гарем султана». Являясь, по сути, полуостровом между Средиземным и Черным морями, Турция заинтересована в сохранении контроля над черноморским пространством либо в разделении ответственности с другой сильной державой, имеющей выход к Черному морю. Цель исследования — выявить и изучить внешнеполитическую стратегию Турции в отношении ЧР как одного из ключевых геополитических пространств для национальных интересов Анкары. При этом под внешнеполитической стратегией понимается долговременный механизм субъекта в отношении объектов и конкурирующих субъектов, направленный на достижение как можно более выгодного пространственного положения, которое достигается с помощью военных и невоенных средств с применением соответствующих ресурсов с учетом фактора своевременности. В рамках достижения поставленной цели решаются конкретные задачи: выявлены устойчивые характеристики турецкой внешней политики, сформированные историческим опытом и географией, которые лежат в основе внешнеполитической стратегии Анкары; показано и исследовано стратегическое видение турецкой элиты в отношении ЧР; раскрыты механизмы влияния на регион внешних геополитических субъектов и сочетание этих механизмов с турецкими национальными интересами. Авторы вводят понятие «турецкий баланс» как механизм внешнеполитической стратегии Турции, главной целью которого является встраивание в логику и алгоритмы внешнеполитических балансов более сильных держав с взаимным их противопоставлением и дальнейшим уравниванием. Это позволяет Турции получать максимальные геоэкономические и геополитические дивиденды. Методология исследования представлена системным, геополитическим и цивилизационным подходами. Учитывая роль ЧР в военно-политической динамике с февраля 2022 г., механизмы внешнеполитической стратегии Турции в отношении региона приобретают для РФ первостепенный характер в различных направлениях национальной безопасности. Авторы принимают точку зрения, что февраль 2022 г. является инерцией развития марта 2014 г. и глубже —

© Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

отложенным кризисом 1991 г., вызванным дезинтеграцией СССР. Однако именно начало специальной военной операции (СВО) вывело военно-политическое противостояние на глобальном и региональном уровне в формат открытого противостояния. Россия бросила открытый вызов Западу и его системе союзников.

Ключевые слова: геополитика Черноморского региона, региональные державы, российско-турецкие отношения, баланс сил

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00917, <https://rscf.ru/project/23-28-00917/>.

Для цитирования: Ирхин А. А., Москаленко О. А., Демешко Н. Э. «Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 7–22. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22>

Turkish Balance, or Türkiye's Foreign Policy Strategy in the Black Sea Region Following the Special Military Operation

Aleksandr A. Irkhin , Olga A. Moskalenko , Natalia E. Demeshko

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

 alex.irhin@mail.ru

Abstract. The Black Sea region in its various geopolitical configurations is a zone of priority for the Turkish elite. Prior to the Treaty of Küçük Kaynarca (1774), the Black Sea was regarded as the “Sultan’s harem.” Being essentially a peninsula between the Mediterranean and Black Sea, Türkiye is interested in maintaining control over the Black Sea space or in sharing it with another strong power having access to it. The authors aim to identify and explore Türkiye’s foreign policy strategy in relation to the Black Sea region as one of the key geopolitical spaces for Ankara’s national interests. The foreign policy strategy is understood as a long-term mechanism of the subject in relation to objects and competing subjects, which aims to achieve the most favorable spatial position with the help of military and non-military means and appropriate resources, taking into account the timeliness factor. The article solves specific tasks: it identifies the stable characteristics of Turkish foreign policy, shaped by historical experience and geography, which underlie Ankara’s foreign policy strategy; it shows and studies the strategic vision of the Turkish elite in relation to the Black Sea region; it reveals the mechanisms of influence of external geopolitical subjects on the region and the combination of these mechanisms with Turkish national interests. The concept of Turkish balance is introduced as mechanism of Türkiye’s foreign policy strategy whose main purpose is to integrate stronger powers into the logic and algorithms of foreign policy balances of stronger powers with their mutual opposition and further balancing act, which allows Türkiye to receive maximum geo-economic and geopolitical dividends. The research methodology is represented by systemic, geopolitical and civilizational approaches. Given the role of the Black Sea region in the military-political dynamics since February 2022, the mechanisms of Türkiye’s foreign policy strategy in relation to the region are becoming crucial for Russia in various areas of national security. Authors propagate that February 2022 is the inertia of the events of March 2014 and deeper, of the postponed crisis of 1991 caused by the disintegration of the USSR. However, it was the beginning of the special military operation that brought the military and political confrontation at the global and regional levels into the format of open confrontation. Russia has challenged the West and its system of allies.

Key words: geopolitics of the Black Sea region, regional powers, Russian-Turkish relations, balance of power

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors’ contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article’s text.

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00917, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00917/>).

For citation: Irkhin, A. A., Moskalenko, O. A., & Demeshko, N. E. (2024). Turkish balance, or Türkiye's foreign policy strategy in the Black Sea region following the special military operation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(1), 7–22. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22>

Мы не повторим ошибок, допущенных после Второй мировой войны и холодной войны, — на этот раз мы воспользуемся возможностью, которая стучится в дверь нашей страны¹.

Р.Т. Эрдоган

Введение

Современная Турецкая Республика является региональной державой в трех ключевых регионах Евразии: на Ближнем и Среднем Востоке, в Черноморском регионе, на Южном Кавказе и в Центральной Азии, — которая стремится получить статус мировой державы.

Специальная военная операция (СВО) России на Украине открыла новый этап внешней политики Анкары в отношении Черноморского региона (ЧР). Решение Турции перекрыть Черноморские проливы, прозвучавшее 27 февраля 2022 г. со ссылкой на 19 статью Конвенции Монтрё, предполагает активную, пусть и опосредованную, вовлеченность Турции в конфликт и одновременно повышает геополитическую роль Турции как региональной и мировой державы. Фактор проливов вновь вывел Анкару в пул влиятельных акторов, компенсировав ее ресурсную ограниченность. Турецкий исследователь М. Акгюн подчеркивает, что Конвенция Монтрё 1936 г. и в наше время связывает невидимыми нитями Россию и Турцию. Положения документа отвечают их обоюдным интересам: «Пересмотр во многом в техническом плане устаревшей конвенции может вызвать нежелательные и неожиданные для обеих стран последствия» (Акгюн, 2003, с. 45).

Цель исследования — выявить и изучить внешнеполитическую стратегию Турции в отношении ЧР как одного из ключевых геополитических пространств для национальных интересов Анкары. ЧР является транзитным

пространством, связывающим два других приоритетных района для турецкой внешней политики — Центральную Азию и Южный Кавказ, Ближний и Средний Восток, — но при этом он служит «задним двором» турецкой державы.

Под внешнеполитической стратегией понимается долговременный механизм субъекта в отношении объектов и конкурирующих субъектов, направленный на достижение как можно более выгодного пространственного положения с помощью военных и невоенных средств с применением соответствующих ресурсов с учетом фактора своевременности (Юрченко, 2001; Ирхин, 2012).

В рамках достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

1) выявляются устойчивые характеристики турецкой внешней политики, сформированные историческим опытом и географией, которые лежат в основе внешнеполитической стратегии Анкары;

2) исследуется стратегическое видение турецкой элиты в отношении Черноморского региона;

3) раскрываются механизмы влияния на регион внешних геополитических субъектов в контексте национальных интересов Турции.

Объектом исследования является внешнеполитический курс Турецкой Республики на региональном и глобальном уровне, предметом — реализация курса Турции в отношении Черноморского региона в рамках внешнеполитической стратегии после начала специальной военной операции России.

Рабочая гипотеза исследования состоит в следующем: в отношении Черноморского региона Турция реализует внешнеполитическую логику уравнивания и гибкого балансирования между глобальными и региональными акторами с постоянным повышением своей региональной роли и статуса на Ближнем и Среднем Востоке, в Черноморском регионе, на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Для обозначения этой логики

¹ “Türkiye'nin Salgının Önlenmesinde Örnek Alınan Bir Konuma Gelmesi Hepimizin Ortak Başarısıdır” // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı. 28.05.2020. URL: <https://www.tcgb.gov.tr/haberler/410/120316/-turkiyenin-salginin-onlenmesinde-ornek-alinan-bir-konumagelmisi-hepimizin-ortak-basarisidir-> (accessed: 25.03.2023).

авторы вводят понятие «турецкий баланс» (по примеру выделенных Г. Киссинджером «французского баланса» и «британского баланса»²), под которым понимается механизм внешнеполитической стратегии Турецкой Республики, нацеленный на встраивание в логику и алгоритмы внешнеполитических балансов более сильных держав с взаимным их противопоставлением и дальнейшим уравновешиванием. Это позволяет Турции получать максимальные геэкономические и геополитические дивиденды в рамках обозначенной динамической системы.

В настоящее время «турецкий баланс» в ЧР направлен на сохранение силового status quo, установившегося после 1991 г. Дезинтеграция СССР сформировала благоприятную политическую ситуацию для державного возрождения Турции, когда по периметру турецких границ появились более слабые государства (за исключением Ирана), которые сформировали естественный буфер безопасности для Анкары. Поэтому сохранение сложившегося после 1991 г. равновесия на постсоветском пространстве путем консервации существующих межгосударственных границ является одной из ключевых задач Турции (Aktürk, 2020). Из этой логики следует, что нарушение данной политической географии какой-либо державой или коалицией противоречит интересам Турции, которая будет всячески противодействовать этому.

Методология исследования представлена системным, геополитическим и цивилизационным подходами.

² *Французский баланс* (raison d'état) предполагает непосредственное участие субъекта в одном из реализуемых балансов. *Британский баланс* представляет собой разыгрывание различных комбинаций без непосредственного участия субъекта: только когда ситуация приобретает критический характер, субъект вступает в игру на той стороне, за счет которой можно в наибольшей мере реализовать свои национальные интересы; после победы над соперником выстраиваются новые балансы, цель которых — не допустить чрезмерного усиления одной из сторон за счет победы над другой (Киссинджер, 2018, с. 45–88).

Новая роль Черноморского региона в региональной и мировой политике

Научное исследование Черноморского региона является приоритетным для ученых Турецкой Республики, США, Великобритании, Румынии, Болгарии, Греции и Украины. Долгое время в российском научном дискурсе Черноморский регион отрицался как объект и предмет научного анализа в контексте национальных интересов. Как отмечает И. Цантулис, «хотя концепция региона, даже само озвучивание его названия стали важным внешнеполитическим инструментом в период после холодной войны, идея региона вокруг Черного моря вызвала подозрение, если не сказать сопротивление у элит региона, преимущественно российских и турецких, поскольку они воспринимали это пространство как исторически зону своего влияния и интересов. В случае России концепция „ближнего зарубежья“ имеет серьезную геополитическую подоплеку» (Tsantoulis, 2016, p. 149). Пятидневный российско-грузинский конфликт 2008 г. несколько поменял акценты научных интересов, однако не существенно: Черноморский регион как политическая реальность, где должна присутствовать Россия, по-прежнему отрицается. Воссоединение Крыма с Россией в 2014 г. добавляет песка на чашу суверенизации российской гуманитаристики, но не радикально.

В этом контексте в рамках предмета исследования необходимо принимать во внимание, что документы, раскрывающие содержание внешнеполитической стратегии Турции, являются закрытыми, однако, учитывая географию, историю, менталитет турецкой элиты и населения, внешнеполитическое окружение, представления о будущем, содержание партийных программ и политическую историю страны, предполагается, что руководство Турции опирается на устойчивые параметры политического курса.

Исследование геополитики ЧР ставит вопрос о подходах к определению его границ. На основе наиболее очевидного прибрежного принципа регион рассматривают как включающий семь государств с выходом к Черному морю: Россию, Турцию, Украину, Грузию,

Болгарию, Румынию и Молдову (через порт Джурджулешты). В логике концепции больших пространств 2000-х гг. из соображений политической и экономической безопасности черноморскую территорию связывали с территорией Кавказа, Каспия, Восточной и Юго-Восточной Европы (Aydin, 2004, p. 6).

Черноморское пространство рассматривается экспертами и как часть Черноморско-Каспийского региона, включающего Азербайджан, Болгарию, Армению, Грузию, Иран, Казахстан, Киргизию, Молдову, Россию, Румынию, Таджикистан, Турцию, Туркменистан, Узбекистан и Украину (Максименко, 2005, с. 137). Ряд исследователей оперирует понятием «Балтийско-Черноморское пространство» или «Балтийско-Черноморский регион», понимая под ним либо естественный регион, либо искусственную геополитическую конструкцию (Ирхин, Москаленко, 2021, с. 500).

В попытках выделения ЧР проявился и институциональный подход, связанный с деятельностью Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), состоящей из 12 государств. Именно в ОЧЭС в 2004 г. впервые прозвучал термин *Wider Black Sea Area*, подразумевающий вовлечение не только прибрежных государств, но и прилегающих к ним, связанных культурно, политически и экономически. Как отмечает И. Цантулис, в ОЧЭС тогда стремились избежать разделения участников на западный/евроатлантический лагерь и лагерь бывших советских республик — особенно в отношении России (Tsantoulis, 2016, p. 113).

Примерно в то же время Германский фонд Маршалла ввел понятие Большого Черноморского региона (*Wider Black Sea Region*): в разработанной Р. Асмусом (*A New Euro-Atlantic Strategy...*, 2004; Асмус, 2007) концепции подразумевалось создание зоны реализации евроатлантической стратегии, не ограниченной только прибрежными государствами, а соединенной с другими регионами. Регион (Россия, Украина, Турция, Грузия, Армения, Азербайджан, Болгария, Румыния, Молдова и Греция) охватывал все прибрежные государства и государства Южного Кавказа в связи с «евроазиатским энергетическим коридором», соединяющим Евро-

Атлантическое сообщество с энергоресурсами Каспия и Центральной Азии (Асмус, 2007). Происходящее в Черном море уже тогда воспринималось не как сугубо черноморский вопрос, а как глобальный (Tsantoulis, 2016, p. 114).

Запад изначально конструировал ЧР не по географическому принципу, а с точки зрения целей евроатлантической стратегии (Tsantoulis, 2016, p. 201): регион рассматривался как ключевой компонент стратегической периферии Запада, расположенный в эпицентре его стремлений проецировать влияние на большее европейское пространство и на Большой Ближний Восток³, при этом термины «Большой Черноморский регион» (*Wider Black Sea region*) или «Черноморско-Каспийский регион» (*Black Sea-Caspian region*) использовались на равных.

После 2014 г. в российском научном политологическом дискурсе стало фигурировать понятие «Большое Средиземноморье» в качестве геополитической единицы, объединяющей черноморское пространство со средиземноморским. На практическом уровне эта концепция отражала последствия и преимущества процессов воссоединения Крыма с Россией, а на теоретическом — должна была объяснить перспективы и пределы возвращения России к активной внешней политике в Черноморско-Средиземноморском и сопредельных регионах. Автором этой концепции является известный московский политолог И.А. Чихарев, к сожалению, ушедший из жизни в 2023 г. Непродолжительный период И.А. Чихарев работал в Севастопольском государственном университете, где в 2017–2019 гг. он и сформулировал концепцию Большого Средиземноморья. ЧР в этом контексте представляется определенным сконцентрированным нервным узлом региона Большого Средиземноморья (Столетов и др., 2019; Чихарев, 2021a; 2021b).

В настоящее время значительный вклад в разработку понятия «Большое Средиземноморье» вносят коллективы под научным

³ Asmus R., Jackson B. *The Black Sea and the Frontiers of Freedom* // Hoover Institution. June 1, 2004. URL: <https://www.hoover.org/research/black-sea-and-frontiers-freedom> (accessed: 29.03.2023).

руководством Д.А. Дегтерева (Большое Средиземноморье..., 2023), А.А. Ирхина (Нечаев и др., 2019; Irkhin & Moskalenko, 2020) и др. Концепция цифрового регионоведения Большого Средиземноморья, представленная в 2018 г. И.А. Чихаревым и В.Ю. Бровко (Чихарев, Бровко, 2018), стала основой для разработки проекта «Цифровое регионоведение Большого Средиземноморья» в Севастопольском государственном университете в 2021–2023 гг.

Таким образом, можно выделить как минимум шесть геополитических конфигураций ЧР:

- 1) Черноморский регион как регион семи прибрежных государств;
- 2) Большой ЧР как включающий прибрежные страны плюс Азербайджан и Армения;
- 3) Балтийско-Черноморский регион;
- 4) Балто-Черноморско-Каспийский регион;
- 5) Черноморско-Каспийский регион;
- 6) Черноморский регион как нервный узел Большого Средиземноморья.

Западные геополитические конфигурации региона определяются логикой безопасности. И. Цантулис предлагает резюмировать их в виде схем, представленных на рис. 1.

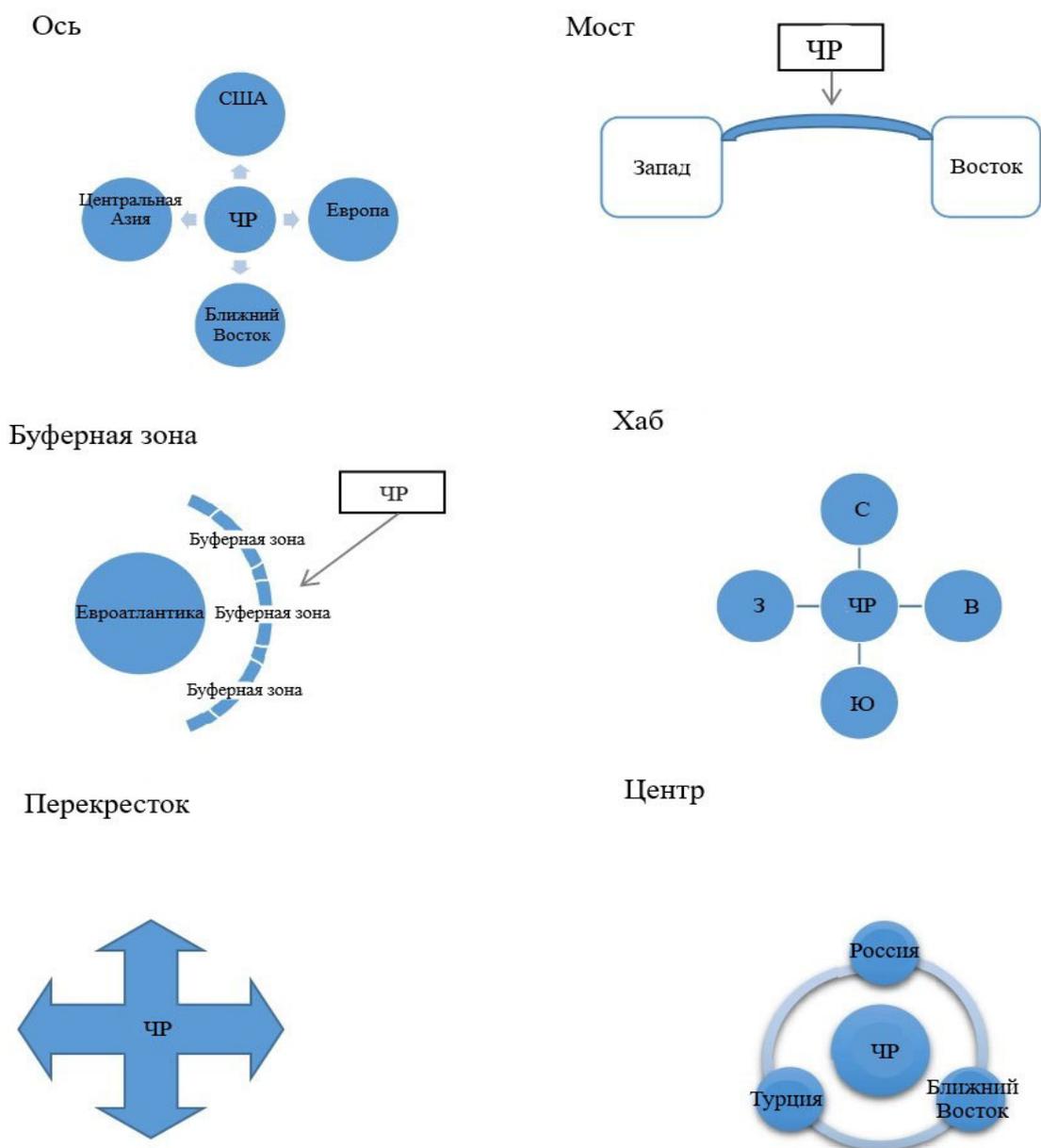

Рис. 1. Пространственные репрезентации геополитики Черноморского региона с точки зрения Запада
 Источник: (Tsantoulis, 2016, p. 203).

Таким образом, с точки зрения логики внешних субъектов ЧР рассматривается как геополитическая ось (пространство, по своему значению и роли в политической истории близкое к роли центра маккиндеровского Хартленда и находящееся на цивилизационном разломе (Aydin, 2004, p. 5)), мост между Западом и Востоком (логика сотрудничества в области энергетики, безопасности, экономики и культуры), буферная зона (санитарный кордон между великими державами, защищающий от вторжения варваров (Cioculescu, 2013, pp. 1–2)); граница между порядком и хаосом (Walters, 2004; Tunander, 1997), хаб (политический и логистический, для проецирования силы на подверженные кризисам регионы вне черноморского бассейна (Lesser, 2007)), перекресток и средоточие интересов (географически расположенный на пересечении европейского, евразийского и ближневосточного пространств безопасности)⁴.

Значительный вклад в понимание геополитики ЧР через его генезис и циклы внес крымский ученый А.Р. Никифоров. Обращают на себя внимание две составляющие его теории.

Во-первых, в Черноморском регионе Крым является ключевым пространством для контроля над Северным Причерноморьем, а Черноморские проливы — над Южным Причерноморьем. Имперские пространства, охватывающие регион, стремятся контролировать две эти точки: и Крым, и Проливы одновременно. Несмотря на кажущуюся простоту данного тезиса, в нем скрывается современная формула мира и стабильности в регионе, во многом поясняющая логику турецкой внешней политики и нахождение консенсусов с Россией. К этой логике мы обратимся ниже.

Во-вторых, исследователь выделяет четыре фазы цикла развития ЧР.

⁴ «Это чрезвычайно важная и чувствительная зона на краю между Хартландом и Римландом, которая имеет огромные природные ресурсы и стратегически важные транспортные и энергетические коридоры. Как сегодня, так и в будущем контроль над регионом фактически означает контроль над всей Евразией» (Гончаренко, 2005, с. 9).

1. Проникновение в Причерноморье стороннего геополитического субъекта формирует две силы и системные тенденции развития региона: морскую и сухопутную. Эти две силы взаимодействуют как в мирном, так и конфронтационном ключе (VII–V вв. до н.э. — III–V вв. н.э.: противостояние и синтез эллинско-скифского миров, равновесие которого было нарушено великим переселением народов).

2. Синтез геополитических оппонентов или их поглощение третьей силой (начало VI в. — середина XIII вв.), распространяющей свою власть на весь регион. Эта третья сила пытается захватить весь регион посредством контроля над Черноморскими проливами и Крымским полуостровом, без чего любая гегемония либо невозможна, либо оказывается неустойчивой (византийская мощь, которая замещается Османской империей (до выхода России к берегам Крыма), Черное море как «гарем султана»).

3. Поглощение Черноморского региона мировой империей полностью либо почти полностью и периферизация региона, влекущая за собой его стабилизацию путем замораживания различного рода конфликтов и объединение (византийский и османский периоды 2-й пол. XIII в. — конца XX в.).

4. Дезинтеграция региона через ослабление и дробление имперского пространства. Физически это выражается взрывным ростом числа политических субъектов внутри региона и, как следствие, дроблением береговой линии (конец XX в., первое десятилетие XXI в.). Подготавливаются условия для возвращения на первый этап цикла (Никифоров, 2008, с. 61–62).

К настоящему моменту действующих в ЧР акторов можно разделить на три группы:

1) мировые державы: США, Россия, ЕС, Китай;

2) региональные державы, представленные, прежде всего, Турцией, стремящейся войти в круг великих мировых держав;

3) более слабые акторы: Украина, Грузия и другие государства, которые являются объектами политики со стороны первой и второй групп, а также международные организации:

ОЧЭС, Североатлантический альянс, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Европейский союз (ЕС), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Содружество Независимых Государств (СНГ), Организация за демократию и экономическое развитие, Содружество демократического выбора (Ирхин, Москаленко, 2021, с. 501).

Турция и Черноморский регион

С момента заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора региональная стабильность в ЧР выстраивается главным образом вокруг отношений между Россией и Турцией с небольшим перерывом на период после Крымской войны и отмены ее итогов князем А.М. Горчаковым (1870–1871 гг.).

Украинская исследовательница Е. Габер отмечает, что логика турецкой внешней политики в Черноморском регионе сформирована двумя историческими травмами.

Во-первых, это русско-османские войны XVIII–XIX вв., доказавшие господство России в регионе. Они также создали «миф» о «великой России», чьи интересы в этой части мира «приходится учитывать» и чья подавляющая мощь вынуждает региональные государства сотрудничать с Россией.

Во-вторых, это так называемый «севрский синдром», означающий глубоко укоренившееся недоверие Турции к странам Запада, которое врезалось в коллективную память как угроза быть преданными и ослабленными Западом. Это недоверие до сих пор определяет политическую риторику турецких националистических и консервативных партий, в том числе входящих в правительственную коалицию. Во многих случаях эти настроения подкрепляются сильными антиамериканскими, антизападными и националистическими настроениями в турецком обществе или находят поддержку в инициированных Кремлем концепциях евразийства. Сторонники более тесного сотрудничества с Россией, заняв ряд должностей в турецком правительстве, получили больше формального влияния (Gaber, 2020, p. 44).

Несмотря на излишнюю идеологизированность цитируемой публикации Е. Габер, отражающей мировоззрение современной украинской элиты, можно отметить продуктивность данных выводов с точки зрения понимания логики Киева в ЧР. Однако для объективности картины эти выводы необходимо дополнить следующими тезисами.

1. Несмотря на существующее соотношение между «севрским синдромом» и двенадцатью русско-турецкими войнами, Россия не представляла реальной экзистенциальной угрозы Турции: напротив, первая два раза спасала турецкую государственность в 1833 и 1920 гг. от полного уничтожения.

2. Встраивание Турции и России в мировую (западную) капиталистическую экономику на положении периферии и полупериферии связано с необходимостью проведения догоняющей модернизации, что формирует постоянное зависимое и уязвимое экономическое, финансовое и технологическое положение, которое сказывается на политической психологии элит, стремящихся к приобщению к западному передовому центру развития.

3. У обеих держав отсутствует опыт интеграции в восточноцентричную (китаецентричную) систему международных отношений и мировой экономики, центр которой сейчас формируется в Восточной и Юго-Восточной Азии. Однако здесь есть любопытный сюжет. Османская империя, развиваясь, оказала влияние на геоэкономические трансформации всего мира, в том числе стимулируя развитие мореплавания и новые географические открытия. После завоевания Константинополя турки-османы стали доминирующей военно-морской силой в Восточном Средиземноморье и получили контроль над ключевой точкой Шелкового пути. В середине XV в. они сделали своим союзником христианскую Венецию, обеспечив себе полный контроль над Средиземным морем. Цены на пряности были подняты до небес, а европейские государства, не желая отдавать деньги туркам и венецианцам, вынуждены были искать альтернативные пути в Индию в обход Османской империи (Фридман, 2016, с. 60).

Если принимать этот тезис, то экономическое взаимодействие китайского и османского имперских пространств способствовало новым географическим открытиям и, в конце концов, появлению Соединенных Штатов Америки на политической карте мира. Однако вопрос глобального влияния и экспансии Китая, проснувшегося после долгого периода изоляционизма, когда ни Россия, ни Турция по большому счету не состоялись как великие евразийские империи и державы, ставит перед двумя элитами новые вызовы развития и видения своего будущего в быстро меняющемся мире. В 1436 г. Китай из-за сухопутной угрозы, исходящей с севера, отказался от строительства кораблей, пригодных для мореплавания, сконцентрировавшись на отражении сухопутной угрозы (Кеннеди, 2018, с. 33). В 1453 г. османы взяли Константинополь, а в 1523 г. появилась концепция монаха Филофея «Москва — Третий Рим», придавшая мощнейший идеологический импульс зарождению и становлению Российской империи.

4. М. Айдын выделяет две фундаментальные характеристики национальной элиты Турции: осадный менталитет и общее чувство незащищенности — производные ряда факторов, самым ярким из которых является уже упомянутый нами «севрский синдром». Еще одной характеристикой, формирующей психологию турецкой элиты, по мнению М. Айдына, является ощущение геополитического одиночества, что заставляет Турцию постоянно преодолевать его посредством различного рода внешнеполитических комбинаций (Aydin & Triantaphyllou, 2010; Aydin, 2020).

5. Курдский фактор является стержневым для любой турецкой элиты в независимости от партийной принадлежности и воспринимается как внутривосточный, однако одновременно он является трансграничным и формирует постоянную наступательную политику Анкары на сопредельные государства — север Ирака и Сирии, а также заставляет договариваться и согласовывать свои действия с силовой политикой своих региональных конкурентов — Сирии, Ирака и

Ирана. Великие державы используют курдский фактор не только для ослабления и моделирования внутренней и внешней политики Турции, но и против ее соперников в регионе. Создается парадоксальная ситуация, когда сильные внерегиональные державы используют курдов для сохранения и усиления своего влияния в обширном регионе Ближнего и Среднего Востока. В то же время этот фактор способствует сближению и координации действий конкурентов в лице Турции, Сирии, Ирака и Ирана.

6. Черное море и, следовательно, весь Черноморский регион продолжительный имперский период были закрытым внутренним пространством Османской империи. По мере экспансии западных держав Франция в 1535 г. и Англия в 1602 г. получили право торговать во всех морях Империи за исключением Черного моря. Принцип закрытости Черноморских проливов для всех иностранных государств был смягчен в отношении России в 1774 г. по ст. 11 Кючук-Кайнарджийского мирного договора, после чего ограничения стали сниматься в отношении торговых судов и других стран (Акгюн, 2003, с. 47). Однако речь шла только о торговых судах. Логика закрытости Черноморского бассейна для военных кораблей была более продолжительной и в результате отразилась на моделях функционирования Черноморских проливов. Эта логика закрытости Черноморского региона, воспринимаемого турецким руководством как «задний двор» страны, остается актуальной, что поясняет современные подходы Анкары к российско-турецким отношениям.

География решает многое

Современная турецкая государственность является следствием итогов Первой мировой войны, Севрского мирного договора 1920 г., национально-освободительного движения и Лозаннского мира 1923 г. На тот исторический момент это был компромисс между стремлением коллективного Запада оставить от Османской империи небольшое марионеточное государство, с одной стороны, и борьбой турецкого народа вместе с генералами за

жизненное пространство нового национального турецкого государства — с другой. В течение XX в. Турция была вынуждена лавировать между Западом и Востоком, между «севрским синдромом» и «русской угрозой», преодолевая ощущение одиночества и осадного положения турецкой элиты.

Ситуация изменилась после распада СССР, когда Анкара перешла к реализации наступательной внешней политики. На фоне временной слабости России Турция начала активно возвращать свои имперские сферы влияния в Причерноморье. Причем «увязание» России в СВО на Украине только усиливает региональные позиции Турции, однако вместе с тем грозит обрушением «турецкого баланса», поскольку США усиливают свое давление на Турцию, требуя обеспечить проход ВМС НАТО в Черное море. Иными словами, чрезмерное ослабление России противоречит логике «турецкого баланса», в рамках которого Россия служит противовесом Западу в ЧР.

Соотношение береговой линии и сухопутной границы современной Турции составляет почти один к трем в пользу морской. При этом общая береговая линия Турции — 7 200 км, а черноморская ее часть составляет 1 700 км (для сравнения: средиземноморская — 1 707 км, эгейская — 2 805 км⁵).

В настоящее время Турецкая Республика является региональной державой в Черноморском и Черноморско-Средиземноморском регионе, а в глобальном масштабе лидирует лишь в отдельных секторах. Ее проектная деятельность в отношении ЧР соотносится с этапами внутреннего развития самой Турции и с воздействием внешних факторов.

Что касается внутреннего развития, то в нем можно выделить два этапа: первый — до прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР), второй — с 2002 г. по настоящее время.

В свою очередь, исходя из логики влияния внешних факторов, следует выделить четыре этапа черноморской политики Турции:

1) 1990–2002 гг.: активная интеграционная политика Турции в отношении региона и согласованность действий с западными союзниками, прежде всего США (формализованная ОЧЭС, неформализованный проект «Великий Туран»);

2) 2002–2008 гг.: от прихода ПСР к власти до пятидневного российско-грузинского конфликта: российско-турецкое сближение и выдвижение российско-турецко-украинской военно-морской инициативы «Черноморская гармония» в противовес операции США в Средиземном море «Активные усилия»;

3) 2008–2014 гг.: формирование и выдвижение турецкой «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе» и сближение Турции и России;

4) с 2014 г.: реализация более открытой и наступательной политики в ЧР, а по ряду аспектов — координация с Западом по сдерживанию России после возвращения Крыма в 2014 г. (Ирхин, Москаленко, 2021).

Представляется, что начало СВО России на Украине в феврале 2022 г. ознаменовало не следующий этап развития черноморской стратегии Турции, но новый период в рамках четвертого этапа.

Существует две противоположные точки зрения на позицию Турции по воссоединению Крыма с Россией, однако оба взгляда сложились в рамках политического реализма.

Первая точка зрения состоит в том, что Турция была не заинтересована в воссоединении, так как она на протяжении трех десятилетий инвестировала в Крым и крымских турок (Аватков, Гудев, 2021, с. 350).

Вторая — заключается в том, что Турция была заинтересована в воссоединении Крыма с Россией по причине того, что остальные варианты были много хуже. Например, что менялось для Турции и России после Кючук-Кайнарджийского мирного договора с точки зрения разделения сфер влияния в Черном море? Ничего. Вместе с тем появление американских военно-морских баз на территории Крыма после вытеснения Черноморского флота РФ из Крыма было неизбежным, а это полностью опрокидывало региональный баланс и логику Черного моря как «гарема

⁵ На основании данных, представленных в: CIA World Factbook: Turkey // CIA. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/turkey-turkiye/> (accessed: 28.03.2023). См. также: (Stanchev et al., 2011).

султана», которым после 1774 г. Турция готова была делиться только с Россией. Кроме того, в случае расширения присутствия США в ЧР Турция теряет свое место в западных альянсах как ментор западных интересов и главный выгодополучатель от их реализации.

Обе научные позиции могут быть синтезированы для объяснения мотивации политической элиты Турции в ситуации, когда эмоциональные интересы в рамках концепции Тюркского мира противоречат национальным интересам в сфере реальной политики. С такой политической диалектикой турецкая элита правящей Партии справедливости и развития столкнулась в марте 2014 г. и прогнозируемо сделала выбор в пользу последних, сразу выстраивая новый баланс с Россией в ЧР. Между 2014 и 2022 гг. в российско-турецких отношениях произошло смещение баланса: в 2020 г. 44-дневный армяно-азербайджанский конфликт усилил позиции Турции в Закавказье. По сути, турки возвращаются в регион, в котором их не было 100 лет.

Начало СВО России на Украине вывело украинское геополитическое пространство в центр российско-турецкого взаимодействия в выстраивании взаимных российско-турецких балансов. Протяженность береговой линии Украины до 2014 г. составляла 2 782 км, после 2014 г. — 2 032 км. После превращения Азовского моря во внутреннее море России протяженность береговой линии Украины уменьшилась еще на 1 000 км, а протяженность береговой линии России в Черном и Азовском морях увеличилась к 2023 г. по сравнению с 1991–2014 г. на 1 800 км⁶. Вытеснение Черноморского Флота Российской Федерации из Крыма в 2014 г. очевидно привело бы к «эффекту домино» и полному вытеснению РФ из Черного моря, что поясняет логику принятия политических решений В.В. Путиным.

В исторической ретроспективе пространство современной Украины уже становилось зоной острой конкуренции между Российской

и Османской империями. Тогда Турция воспринимала украинские земли как свою экономическую периферию, пытаясь за счет украинских черноземов выйти из кризиса тимарной системы: первые серьезные столкновения между двумя империями на территории современной Украины произошли в период второй Русско-турецкой войны (1672–1681 гг.).

В середине XVII в. включение части Украины в состав Российского государства привело к новым противоречиям, когда отдельные представители украинской казацкой верхушки в борьбе с Речью Посполитой, а позднее и с Россией искали поддержки Крымского ханства, а значит, Османской империи. Однако экономические расчеты османских властей на Подолию и другие украинские земли, представлявшие тогда, по словам украинских исследователей прошлого века, «руины», не оправдались. Необходимо было восстанавливать разрушенную и обезлюдившую страну, что не привлекало ослабленную недавними войнами и внутренними усобицами Османскую империю (Орешкова, 2003, с. 22).

В дальнейшем геополитическое пространство современной Украины неоднократно становилось причиной столкновения османской и российской имперских систем, что является важным аспектом для понимания современной политики руководства Турции в отношении украинского вопроса.

На момент начала специальной военной операции на Украине между Турцией и Россией сложилась сложная и многогранная система сдержек и противовесов сразу в нескольких ключевых регионах: Центральная Азия и Южный Кавказ, Черноморский регион, Восточное Средиземноморье, Ближний и Средний Восток. В этих регионах нет ни одного вопроса, где бы Турция и Россия отстаивали одинаковую позицию. Специальная военная операция объективно сузила возможности России в данных двусторонних балансах и повысила роль Анкары. В ЧР расположены все замороженные и размороженные конфликты (Приднестровье, Украина, Нагорный Карабах, Абхазия и Южная Осетия), где

⁶ По данным, представленным в: (Stanchev et al., 2011; Крыленко, Крыленко, Алейников, 2019).

Турция либо балансирует, либо противостоит России. В других ключевых регионах взаимодействия ситуация аналогичная. Как следствие, важнейшие политические и геополитические вопросы Россия и Турция вынуждены решать совместно.

На национальном уровне, несмотря на закрытость турецких документов, можно выявить две концепции турецкой внешней политики, существенно затрагивающие Черноморский регион: Тюркский мир (*Türk dünyası*) и относительно недавно оформившуюся концепцию морской политики под названием «Голубая Родина» (*Mavi Vatan*). В публичном пространстве Р.Т. Эрдоган всячески демонстрирует поддержку обеих. Концепция Тюркского мира фактически сталкивает Россию и Турцию как на постсоветском пространстве, так и на пространстве «глубинной» России, очерчивая сферу турецкого влияния на Южном и Северном Кавказе и в Центральной Азии и претензии на часть территории РФ. В свою очередь морская экспансия Турции, обозначенная в «Голубой Родине», учитывает интересы РФ в Северном Причерноморье, формулируя сферу национальных интересов Анкары в Южном и Центральном Причерноморье и Восточном Средиземноморье.

После начала СВО Турция активно поддерживает отношения и сотрудничество как с Россией, так и с Украиной, наращивая экономическое сотрудничество с первой и военнотехническое — с последней. Причем Турция выходит на ведущее место по военнотехническим поставкам Украине и на одно из первых мест — по товарообороту с Россией.

СВО вывела Турцию, десятилетиями зависевшую от импорта вооружений, но тем не менее активно инвестировавшую в военнотехнологический комплекс, на позиции одного из ключевых экспортеров вооружений. По данным SIPRI, турецкий экспорт вооружений вырос за период 2018–2022 гг. на 69 % по сравнению с 2013–2017 гг. (табл. 1), 80 % потребностей страны обеспечивает турецкий военно-промышленный комплекс (ВПК), тогда как в 2004 г. этот показатель составлял всего 20 %. В 2022 г. экспорт вооружений Украине составил 23 % от общего объема

военного экспорта Турции и вырос более чем в 11 раз по сравнению с 2021 г. Объем экспортированных турецких вооружений составил 3,4 % в общем объеме поставок вооружений Украине всеми странами мира⁷, что обеспечило Турции 6-ю позицию в мире после США, Польши, Германии, Великобритании и Чехии (табл. 2).

Таблица 1
Динамика индикаторных показателей (SIPRI TIV) военного экспорта Турции по основным странам в 2021–2022 гг., млн TIV

Страна	2021	2022	Всего
Бангладеш	25	16	41
Венгрия	3	12	15
Казахстан	0	4	4
Киргизстан	1	12	13
Филиппины	0	43	43
Польша	0	8	8
Катар	92	103	195
Туркменистан	131	0	131
ОАЭ	83	82	165
Украина	8	91	98
Всего (по всем странам)	438	398	836

Источник: составлено авторами по данным: Arms Transfers Database. Importer / Exporter TIV Tables // SIPRI. URL: <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/> (accessed: 29.03.2023).

Таблица 2
Основные экспортеры вооружений на Украину в 2021–2022 гг., млн TIV

Страна	2021	2022	Всего
Чехия	0	116	116
Германия	0	297	297
Польша	3	451	454
Турция	8	91	98
Соединенное Королевство	0	276	276
США	20	917	937

Источник: составлено авторами по данным: Arms Transfers Database. Importer / Exporter TIV Tables // SIPRI. URL: <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/> (accessed: 29.03.2023).

По данным Турецкого института статистики Turkstat, в 2022 г. Россия вышла на первое место среди импортеров для Турции,

⁷ Wezeman P., Gadon J., Wezeman S. Trends in International Arms Transfers // SIPRI. March, 2023. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-03/2303_at_fact_sheet_2022_v2.pdf (accessed: 29.03.2023).

а доля импортируемых Россией товаров и услуг составила 16,1 % в общем объеме, тогда как в 2021 г. она составляла 10,7 %. В финансовом выражении объем экспорта в Россию в 2022 г. вырос более чем в два раза по сравнению с 2021 г. (табл. 3). Почти в два раза вырос и импорт из России в Турцию за этот же период, сравнявшись с показателем 2014 г. (табл. 4)⁸.

Таблица 3
Экспорт Турции по странам в 2013–2014 гг.
и в 2020–2022 гг., %

Позиция (2022 г.)	Страна	Доля в общем объеме экспорта				
		2013	2014	2020	2021	2022
1	Россия	10,0	10,1	8,1	10,7	16,2
2	Китай	9,7	10,2	10,5	11,9	11,4
3	Германия	9,8	9,4	9,9	8,0	6,6
4	Швейцария	3,8	2,0	3,5	1,1	4,2
5	США	5,1	5,4	5,3	4,8	4,2
6	Италия	5,2	5,2	4,2	4,3	3,9

Источник: составлено авторами по данным: Foreign Trade Statistics, June 2022 // Turkstat. URL: <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Foreign-Trade-Statistics-June-2022-45541&dil=2> (accessed: 29.03.2023).

Таблица 4
Импорт Турции по странам в 2013–2014 гг.
и в 2020–2022 гг., %

Позиция (2022 г.)	Страна	Доля в общем объеме импорта				
		2013	2014	2020	2021	2022
1	Германия	9,2	9,8	9,4	8,6	8,3
2	США	4,1	4,2	6,0	6,5	6,6
3	Ирак	8,0	7,9	5,4	4,9	5,4
4	Соединенное Королевство	5,7	6,1	6,6	6,1	5,1
5	Италия	4,6	4,5	4,8	5,1	4,9
6	Испания	2,8	3,0	3,9	4,3	3,8
7	Франция	4,1	4,1	4,2	4,0	3,8
8	Россия	4,5	3,7	2,7	2,6	3,7

Источник: составлено авторами по данным: Foreign Trade Statistics, June 2022 // Turkstat. URL: <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Foreign-Trade-Statistics-June-2022-45541&dil=2> (accessed: 29.03.2023).

Подобная политика Турции, на первый взгляд, может рассматриваться как непоследовательная и противоречивая, однако она

имеет под собой глубокие основания и полностью соответствует турецкой географии и турецким национальным интересам.

Такая внешнеполитическая стратегия показывает, что Турция разыгрывает «британский баланс», но с существенными поправками в методике. Она сама находится между противоборствующими силами, которые в том числе сформированы «британским балансом»: арабы и евреи, персы и арабы, персы и евреи, сунниты и шииты, курды и все остальные, в том числе турки. В этих противоборствующих парах турки сами оказываются жертвами (объектом), но геополитическое положение позволяет Турции при маневрировании стать выгодополучателем от реализуемого «британского баланса», формируемого не Анкарой. Сотрудничеством с Западом она уравнивает Россию, Китай и Иран в Черноморском регионе, отношениями с Россией — уравнивает Запад, получая при этом максимальные экономические дивиденды. Подобный механизм можно обозначить как «турецкий баланс».

При этом Запад через Турцию уравнивает Россию и Китай в Центральной Азии, Россию и Иран — в Большом Черноморском регионе, а также Россию, Иран и Саудовскую Аравию — на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке.

Механизм «турецкого баланса» в действии можно охарактеризовать как основанный на трех принципах:

1) балансирование между мировыми и региональными державами;

2) встраивание в стратегии и балансы более сильных мировых держав с целью достижения как можно более выгодного для Турции регионального равновесия;

3) достижение за счет первых двух механизмов доминирования в критически значимых для Анкары регионах.

Цель «турецкого баланса» в ЧР — сохранение неизменности границ после развала СССР путем уравнивания России и вступления с Россией, ее соперниками и союзниками в состояние гибкой конкуренции, что позволит сохранить сложившееся после распада СССР равновесие и status quo.

⁸ Foreign Trade Statistics, June 2022 // Turkstat. URL: <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Foreign-Trade-Statistics-June-2022-45541&dil=2> (accessed: 29.03.2023).

Зерновая сделка, Турция как посредник в переговорах между Украиной и Россией, канал «Стамбул», закрытие Черноморских проливов для всех военных кораблей как инструменты повышения влияния Турции в мире и продвижения геополитических и геоэкономических интересов, — все это примеры успешной стратегии Анкары. Диалектический взгляд на эту методологию турецкой элиты по укреплению позиций Турции в качестве мировой державы может свидетельствовать о том, что Турция использует военно-политическую активность России, в то же время противодействуя ей. При этом сама эта активность позволяет Анкаре повышать свое геополитическое влияние, обходя фактор ограниченности ресурсов для получения статуса мировой державы. Турция также активно использует западную экспансию, противопоставляя ей свои национальные интересы. На пересечении этих двух встречных векторов и работает «турецкий баланс».

Заключение

Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе после начала специальной военной операции России на Украине реализуется в следующей системе координат:

1) сохранение status quo после устоявшихся границ 1991 г. и противодействие нарушению этого положения со стороны любой из держав;

2) сохранение Конвенции Монрё в качестве императива контроля над Проливами и при этом расширение национальной составляющей влияния на режим Черноморских проливов за счет возможной реализации проекта строительства канала «Стамбул»;

3) применение логики «турецкого баланса», когда с помощью Запада уравниваются Россия, Китай и Иран, а отношения с Россией уравнивают влияние Запада на Турцию. Такой баланс кроме прочего позволяет повышать уровень субъектности самой Турции в региональных и глобальных процессах, делая лозунг Р.Т. Эрдогана «Мир больше пяти» реальным;

4) разделение сфер влияния с Россией в ЧР в логике контроля над двумя ключевыми

пространствами — Черноморскими проливами и Крымским полуостровом.

Отношениям Турции и России на современном этапе присущ ряд черт.

Во-первых, конкуренция и сотрудничество Анкары и Москвы при Р.Т. Эрдогане и В.В. Путине, политические режимы которых в настоящее время скорее схожи, чем различаются, окрашены не в черно-белые тона, а в серые, что пока устраивает обе стороны. Такое состояние сдержек и противовесов возможно только при существовании сложившегося исторического баланса сил на разных уровнях взаимодействия двух держав.

Во-вторых, решение всех трудных проблем и урегулирование двусторонних противоречий: в географии от сирийского Идлиба до Южного Кавказа, по сути и срокам «зерновой сделки», по претензиям влияния Турции на тюркские территории России, по поддержке курдского национального движения Россией и т. д. — все это сознательно отложено на будущее.

В-третьих, в двусторонних отношениях реально существующие противоречия между Турцией и Россией решаются не в рамках деятельности политических институтов, а благодаря личным отношениям двух президентов. Таким образом, произошло замещение политических институтов личными доверительными отношениями двух лидеров государств. В этом контексте «фактор Эрдогана», равно как и «фактор Путина», являются стержнями турецко-российских отношений. Из этого следует, что уход одного из лидеров, скорее всего, обрушит сложившуюся сложную и многогранную систему равновесия, позволяющую двум лидерам балансировать на грани конфронтации и сотрудничества.

Специальная военная операция России на Украине на данном этапе объективно повысила субъектность Турции в ЧР, давая возможность Анкаре реализовать тактическое преимущество как в критических регионах взаимодействия России и Турции, так и в двусторонних российско-турецких отношениях. Однако суть выделенного «турецкого баланса» будет заставлять Турецкую Республику стремиться к равновесному балансированию,

что не отменяет получение больших геэкономических и геополитических дивидендов от партнера, испытывающего временные трудности.

Ближайшее будущее покажет, смогут ли Россия и Турция сохранить, по сути, кондоминиум в Черноморском регионе, центральным принципом которого является Конвенция Монтрё. Так как по формуле А.Р. Никифорова для полного имперского контроля над ЧР необходимо контролировать

Проливы и Крымский полуостров одновременно, Анкара и Москва вновь оказываются связанными невидимыми нитями для сохранения своего суверенитета, с одной стороны, в условиях стремления перезагрузить американскую однополярность, а с другой — намерения КНР реализовать инициативу «Пояс и путь». Оба проекта глобализации в настоящее время сталкиваются в водах Черного моря.

Поступила в редакцию / Received: 01.04.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 05.08.2023

Принята к публикации / Accepted: 27.12.2023

Библиографический список

- Аватков В. А., Гудев П. А.* Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 3. С. 348–363. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-3-348-363>
- Акгюн М.* Черноморские проливы: незримые связи // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы : сборник статей / отв. ред. Н. Ю. Ульченко, Г. Казган. Москва : ИВ РАН, 2003. С. 43–75.
- Асмус Р.* Евро-Атлантическое Причерноморье // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5, № 3. С. 66–77. EDN: TZIZYD
- Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. Д. А. Дегтерева, М. М. Агазаде. Москва : Аспект Пресс, 2023.
- Гончаренко О.* Чорноморсько-Каспійський регіон: регіональні структури безпеки та демократичний контроль // Чорноморська безпека. 2005. № 1. С. 3–9.
- Ирхин А. А.* Моделі інтеграції євразійського простору та національні інтереси України: дис. ... д-ра полит. наук. Симферополь, 2012.
- Ирхин А. А., Москаленко О. А.* Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991–2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 3. С. 498–516. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516>
- Кеннеди П.* Взлеты и падения великих держав. Екатеринбург : Гонзо, 2018.
- Киссинджер Г.* Дипломатия. Москва : АСТ, 2018.
- Крыленко В. В., Крыленко М. В., Алейников А. А.* Уточнение длины береговой линии Азовского моря с использованием данных спутников Sentinel-2 // Вестник СГУГиТ. 2019. Т. 24, № 4. С. 78–92. <https://doi.org/10.33764/2411-1759-2019-24-4-78-92>
- Максименко Л.* Проблеми безпеки та політичної стабільності у Чорноморсько-Каспійському регіоні: генезис та еволюція конфліктів (на прикладі Таджикистану, Киргизії, Узбекистану) // Дослідження світової політики. 2005. № 33. С. 136–149.
- Нечаев В. Д., Чихарев И. А., Ирхин А. А., Маковская Д. В.* Концепция геостратегического атласа Большого Средиземноморья // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2019. № 1. С. 67–74. EDN: STDOTD
- Никифоров А. Р.* Ритмы Большого Черноморского пространства: сверим часы // Международный круглый стол «Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины» : сборник материалов / под ред. А. Мальгина. Симферополь : СОНАТ, 2008. С. 60–67.
- Орешкова С. Ф.* Войны России с Османской империей: причины и некоторые исторические итоги // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы : сборник статей / отв. ред. Н. Ю. Ульченко, Г. Казган. Москва : ИВ РАН, 2003. С. 21–34.
- Столетов О. В., Чихарев И. А., Москаленко О. А., Маковская Д. В.* Геополитические основания проекта «Геостратегический атлас Большого Средиземноморья» // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2019. Т. 25, № 1. С. 163–178. <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2019-1-25-163-178>

- Фридман Дж. Горячие точки. Геополитика, кризис и будущее мира. Санкт-Петербург : Питер, 2016.
- Чихарев И. А. Большое Средиземноморье как многомерный объект политических исследований // Полис. Политические исследования. 2021а. № 3. С. 129–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.09>
- Чихарев И. А. Россия в Большом Средиземноморье: новый тихоокеанско-европейский транзит // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021б. Т. 21, № 3. С. 441–458. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-441-458>
- Чихарев И. А., Бровко В. Ю. Цифровое регионоведение Большого Средиземноморья: контуры исследовательской программы // Русская политология. 2018. № 4 (9). С. 47–54. EDN: KPHFCP
- Юрченко С. В. Геостратегия США в процессе формирования нового мирового порядка: дис. ... д-ра полит. наук. Киев, 2001.
- A New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region / ed. by R. Asmus, K. Dimitrov, J. Forbrig. Washington, D.C. : The German Marshall Fund of the United States, 2004.
- Aktürk Ş. Turkey's Grand Strategy as the Third Power: A Realist Proposal // Perceptions: Journal of International Affairs. 2020. Vol. 25, iss. 2. P. 152–177.
- Aydin M. Europe's Next Shore: the Black Sea Region after EU Enlargement // Occasional Papers. 2004. No. 53. P. 1–37.
- Aydin M. Grand Strategizing in and for Turkish Foreign Policy: Lessons Learned from History, Geography and Practice // Perceptions: Journal of International Affairs. 2020. Vol. 25, iss. 2. P. 203–226.
- Aydin M., Triantaphyllou D. A 2020 Vision for the Black Sea Region: The Commission on the Black Sea Proposes // Southeast European and Black Sea Studies. 2010. Vol. 10, iss. 3. P. 373–380. <https://doi.org/10.1080/14683857.2010.503648>
- Cioculescu A. F. Rethinking the Black Sea: Between the Trans-Atlantic and the Eurasian Projects // Scientia Militaria — South African Journal of Military Studies. 2013. Vol. 41, no. 1. P. 1–33. <https://doi.org/10.5787/41-1-1051>
- Gaber Ye. Turkey's Black Sea Policy: Between “Russian Lake” and “NATO's Backyard” // UA: Ukraine Analytica. 2020. No. 1 (19). P. 43–53.
- Irkhin A. A., Moskalenko O. A. Russia's Foreign Policy in the Great Mediterranean: Prospects and Constraints // Geopolitics Quaterly. 2020. Vol. 15, iss. 4. P. 110–121.
- Lesser I. O. Global Trends, Regional Consequences: Wider Strategic Influences on The Black Sea // Xenophon Paper. 2007. No. 4. P. 1–52. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/103656/XENOPHON_PAPER_4.pdf (accessed: 12.12.2023).
- Stanchev H., Palazov A., Stancheva M., Apostolov A. Determination of the Black Sea Area and Coastline Length Using GIS Methods and Landsat 7 Satellite Images // Geo-Eco-Marina. 2011. No. 17. P. 27–31. <https://doi.org/10.5281/zenodo.56890>
- Tsantoulis I. Towards a Genealogy of Regions in International Relations: An Autopsy of the Black Sea (Region) [dissertation]. London : University College, 2016.
- Tunander O. Post-Cold War Europe: Synthesis of a Bipolar Friend-Foe Structure and a Hierarchic Cosmos-Chaos Structure? // Geopolitics in Post-Wall Europe: Security, Territory and Identity / ed. by O. Tunander, P. Baev, V. Einagel. London : SAGE, 1997. P. 17–44.
- Walters W. The Frontiers of the European Union: A Geostrategic Perspective // Geopolitics. 2004. Vol. 9, no. 3. P. 674–698. <https://doi.org/10.1080/14650040490478738>

Сведения об авторах:

Ирхин Александр Анатольевич — доктор политических наук, заведующий кафедрой «Политические науки» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 7399-0942; ORCID: 0000-0001-7895-550X; e-mail: alex.irhin@mail.ru

Москаленко Ольга Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 2703-2615; ORCID: 0000-0002-4162-3162; e-mail: kerulen@bk.ru

Демешко Наталья Эдуардовна — кандидат политических наук, доцент кафедры «Политические науки» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 5312-9118; ORCID: 0000-0002-9620-2410; e-mail: natalidem93@mail.ru